

Глава 45. Каша восьми сокровищ (часть 4)

—

Отправиться в путешествие!

Они смогут поехать развеяться!

От одной только этой мысли Цзи Жунся не мог сдержать радости.

Этим утром, пока они готовили завтраки, даже шаги его стали куда легче и непринужденнее.

— Настолько рад? — не удержался от вопроса Гу Танцзинь.

Цзи Жунся ответил без колебаний:

— Конечно! Я ведь никогда не бывал в столице префектуры. Да и кто бы не обрадовался возможности съездить развеяться?

Гу Танцзинь в прежние годы учился в столице префектуры и ездил туда-сюда несчетное количество раз, так что поездка не сулила ему особых сюрпризов или волнений.

Однако, видя искренний восторг Цзи Жунся, он и сам проникся предвкушением.

Гу Танцзинь проговорил:

— Кто знает, быть может, в будущем Ся-гэр открывает собственный ресторан прямо в столице префектуры.

— Я? — Цзи Жунся указал пальцем на себя, и в его голосе проскользнула нотка легкого недоверия.

— Разве это возможно? — пробормотал он.

— А почему бы и нет? — улыбнулся Гу Танцзинь. — Да если даже не брать в расчет помощь маленького мастера, с одним лишь твоим врожденным талантом открыть ресторан в столице префектуры вовсе не составит труда.

— Вот как? Вроде и правда... — движение руки Цзи Жунся, вымешивающей мясную начинку, на мгновение замлело.

Хотя в его голосе все еще слышалась неуверенность, слова Гу Танцзиня словно зажгли в его душе яркий огонек. В конце концов, он ведь собирался стать Богом Кулинарии, разве не естественное дело — открыть ресторан в столице префектуры?!

Стоило этой мысли зародиться в голове, как и работа на кухне пошла совсем споро.

Цзи Жунся планировал напечь сегодня хрустящих лепешек дяочжабин, но, взглянув на печь, вспомнил об идее — делать пышные лепешки с начинкой из мяса и овощей.

Поскольку в ближайшие дни они всё равно не смогут торговать завтраками, Цзи Жунся задумал достать из системного пространства одну порцию не слишком удавшейся «свинины с ароматом рыбы» (юйсян жуосы) и сделать с ней сытные лепешки на продажу.

Делать много не требовалось — хватит и десятка с небольшим.

Стоит людям попробовать такое объединение, как они наверняка захотят вернуться за добавкой — отличная возможность наработать популярность!

— В этот раз я хочу испечь еще и пышных лепешек. Когда будешь вымешивать тесто, сделай для меня побольше дрожжевого. Я хочу положить внутрь нарезку из свинины. На десяток с лишним пышных лепешек хватит, если замесишь на один ковш муки больше, — попросил Цзи Жунся.

Гу Танцзинь достал небольшой кусочек закваски и принялся вымешивать тесто в отдельном тазу:

— Ладно.

Когда тесто поднялось, Цзи Жунся присыпал его молотым сычуаньским перцем, солью и добавил немного свиного сала. Затем он разделил тесто на небольшие порционные шарики, раскатал их в толстые круглые лепешки и ловко прилепил к внутренним стенкам печи.

Пока они вдвоем хлопотали над завтраком, Цзи Жунся успел поставить мариноваться и сегодняшнюю партию мясных да овощных закусок.

На другом конце города Чжу Пэнъи подняли с постели на самом рассвете.

— Господин, на дворе же еще темным-темно! — протер глаза Чжу Пэнъи, поднявшись с кровати. Выглянув в окно, он со вздохом добавил: — Так рано! Господин, нам ведь больше не надо дробить камень да мостить дороги, зачем в такую рань подниматься? И вообще, господин, я точно помню, что запираю дверь на засов, как вы вошли?

— Этот-то засов? Обычной деревянной щепкой поддеть — и дело с концом! Я от Лао Тао слышал, что в том ресторане на востоке города по утрам продают завтраки. Пошли-пошли, попробуем, вкусная ли здесь еда, — проговорил У Баоцюань.

Чжу Пэнъи был из числа тех рабочих, которых У Баоцюань нанял на строительство дорог еще в уезде Шоуу на северной границе. Он рос сиротой, перебиваясь чужими хлебами, и отличался незаурядной физической силой. В последние годы правления прежней династии, когда северные земли терзали чужеземные племена, Чжу Пэнъи выжил не только благодаря удаче, но и благодаря природному чутью на опасность. Позже У Баоцюань, подметив его сообразительность и испытывая острую нужду в верных людях, приблизил его к себе. За эти годы Чжу Пэнъи стал настоящей правой рукой У Баоцюаня. Отправляясь на новое место службы, он доверил заботу о жене и дочери фулану У Баоцюаня, а сам поехал помогать господину.

Отношения между ними сложились самые теплые, поэтому У Баоцюань и не думал разыгрывать перед ним строгого уездного магистрата.

Чжу Пэнъи со смирением принялся заплетать волосы и переодеваться:

— Пойду запрягу воловью повозку.

В город они прибыли на воловье повозке, которую все эти дни держали во дворе. В самой уездной управе имелись две ослицы и один мул, которых тоже можно было запрягать.

— Я уже запряг ослиную повозку. Волосья слишком уж бросаются в глаза. Поедем на ослике, — напутствовал У Баоцюань.

У Чжу Пэнъи дёрнулся уголок рта:

— Эх, господин, ну вы и даёте ради куска еды!

Даже запряг осла спозаранку!

И кто только болтал, будто их уездный начальник ленив? Ради вкусной еды он проявляет невероятное рвение!

Когда они прибыли на место, Цзи Жунся и Гу Танцзинь только-только разворачивали прилавок. Несколько покупателей уже терпеливо дожидались своей очереди. У Баоцюань поспешно выскочил из повозки, повелев Чжу Пэнъи присмотреть за осликом, а сам устремился к прилавку.

Сегодняшний выбор радовал глаз: помимо привычных хрустящих «дяочжабин» и сочных жареных шэнцзяней, на прилавке красовалось больше десятка лепешек, начиненных свиной «юйсян жуосы».

Эту «свинину с ароматом рыбы» Цзи Жунся сделал при не самом удачном подборе приправ, а Гу Танцзинь заботливо вынул из нее почти весь перец чили.

— Ого, сегодня новинка? И шэнцзяней напекли экая гора! Мне что-то кажется, будто вы завтра торговлю отменить собираетесь? — спросил Линь Дуншань, стоявший первым в очереди, разглядывая изобилие лепешек и пирожков.

— А ты и впрямь угадал! На целую декаду мы сворачиваем утреннюю торговлю, — бойко отозвался Цзи Жунся.

Хи-хи-хи! Они ведь едут покупать землю, а потом отправятся развеяться в префектуру!

— Что?! На целую декаду? Это же целых десять дней?! Не будете торговать? Да почему же? — поспешно переспросил Линь Дуншань.

Он уже привык каждое утро приходить сюда за едой, и остаться без привычной стряпни казалось ему настоящим испытанием.

У Баоцюань тоже невольно наострил уши, внимательно слушая разговор.

— Собираемся съездить по деревням, посмотреть земли, а это дело хлопотное, заберет немало сил. А как с землей разберемся, мы с Танцзинем хотим съездить в столицу префектуры. Вернемся — и приготовим для всех освежающие фруктовые напитки, — с улыбкой пояснил Цзи Жунся.

— Эх, пока вас не будет, я даже и не знаю, чем питаться эти десять дней! Но раз вы вернетесь с фруктовыми напитками, ради этого стоит потерпеть, — услышав хорошие новости, Линь Дуншань не стал выражать недовольство, но его действительно беспокоило, как пережить эти дни.

Тетушка, стоящая за Линь Дуншанем, подхватила:

— И не говорите! Шэнцзяни до того вкусные, если десять дней их не пробовать, я вся изведусь!

Сейчас шэнцзяни продавались по два вэня за штуку, и многие с удовольствием покупали парочку на пробу.

У Баоцюань вытянулся на цыпочках, пытаясь разглядеть прилавок: чем это они тут торгуют?

Круглые пухлые шэнцзяни, лепешки с мясной начинкой сверху и лепешки, надрезанные посередине и набитые сочной тушеной свининой.

Ничего подобного У Баоцюаню пробовать еще не приходилось!

У Баоцюань подумал: раз стоящие впереди люди так отзываются об этой еде, вкус у нее явно незаурядный.

— Да в нашем переулке Уцуй лавок с завтраками пруд пруди, с голоду точно не помрете! — с улыбкой перевел тему Гу Танцзинь, поворачиваясь к Линь Дуншаню. — Что будешь брать сегодня?

— А это что за лепешка? — Линь Дуншань указал на лепешку с мясной начинкой.

Цзи Жунся пояснил:

— Это печеная лепешка со свиной нарезкой. Лепешку выпекаем поплотнее, надрезаем посередине и закладываем тушеное мясо. Шесть вэней за штуку.

— Эх... Давай одну такую, да еще два шэнцзяня, — немного поколебавшись, произнес Линь Дуншань.

Ему ужасно хотелось взять и «дяочжабин», но ведь даже пол-лепешки дяочжабин стоили целых четыре вэня!

— С тебя ровно десять вэней, — проговорил Цзи Жунся, пока они с Гу Танцзинем проворно заворачивали покупку.

Линь Дуншань забрал свёрток и отсчитал десять медных монет.

Немного подумав, он не стал докупать другой еды, а просто отошел в сторонку, присел на корточки в уголке и принялся за трапезу.

Развернув лотосовый лист, он откусил добрый кусок от лепешки с мясом.

Эта лепешка выходила куда плотнее, чем дяочжабин, да и в тесто при замесе, похоже, добавили молотого сычуаньского перца. Снаружи она вышла хрустящей, внутри — мягкой и невероятно ароматной.

С первого же укуса зубы погрузились в сочное мясо — порция оказалась настолько щедрой, что продавать ее за шесть вэней казалось даже убыточным!

Мясная нарезка таяла во рту, отдавая приятной свежестью и пикантной остринкой.

Линь Дуншань проглотил огромный кусок и принялся увлеченно жевать с самым блаженным видом.

Глядя на него, У Баоцюань невольно сглотнул слюну.

Вскоре очередь дошла и до него. У Баоцюань поспешно выпалил:

— Мне четыре лепешки с мясом, шесть вот тех, с мясной начинкой сверху, да еще двадцать маленьких шэнцзяней!

Так много?!

Цзи Жунся не удержался и бросил на У Баоцюаня несколько удивленных взглядов.

Перед ним стоял пухлый мужчина, выглядевший моложе Гу Чуньцяя. Похож на зажиточного торговца, но лицо совсем незнакомое.

На дворе такая жара, неужто он сможет съесть столько еды?

Цзи Жунся недоумевал, но Гу Танцзинь уже проворно упаковал лепешки с мясом и дяочжабин, а Цзи Жунся аккуратно сложил для него шэнцзяни.

Гу Танцзинь проговорил:

— Восемьдесят восемь вэней.

— Держи! — У Баоцюань мгновенно отсчитал монеты и протянул их продавцу.

Принимая деньги, Гу Танцзинь заботливо напомнил:

— Погода жаркая, постарайтесь съесть всё поскорее.

На лице У Баоцюаня просияла улыбка, а про себя он подумал: да такую малость они с Чжу Пэнъи уплетут за два прихода!

Забрав свертки, он с любопытством спросил:

— Молодой человек, а что за фруктовые напитки вы упоминали? Напитки из плодов?

— Верно, напитки из свежих фруктов. Выходят весьма неплохими, — коротко ответил Цзи Жунся.

— О-о, — кивнул У Баоцюань. Не желая задерживать очередь, он отошел в сторону, уступая место следующим покупателям.

Держа в руках обильный завтрак, он неторопливо пошагал к Чжу Пэнъи.

— Пошли, найдем какую-нибудь чайную, сядем да спокойно позавтракаем! — вдыхая соблазнительные ароматы дяочжабин, шэнцзяней и печеных лепешек с мясом, У Баоцюань не желал ждать ни единой минуты.

Чжу Пэнъи отозвался, осмотрелся по сторонам и вскоре нашел неподалеку скромную чайную палаточку. Там продавали не только чай, но и разнообразные прохладительные напитки, а также маньтоу из грубой муки и рулетики из теста.

Из напитков имелись сладкая вода, отвар из спелых груш и целебные травяные отвары с мятой.

Маньтоу и рулетики пользовались спросом — пока они подходили, один из покупателей, только что закупавшийся у прилавка Гу Танцзиня и Цзи Жунся, как раз заглянул сюда за пышками.

— Подайте нам две пиалы чая и два мятных отвара! — окликнул хозяина У Баоцюань.

Старый Пэй фулан поспешно налил две пиалы чая и два мятных отвара. Завидев в руках гостей столько еды, он прямо-таки просиял.

Вот это богатые покупатели! У таких точно водятся денежки, раз они купили так много на завтрак у Ся-гэра.

Глядишь, и у него чайку да маньтоу прикупят! С этой мыслью Пэй фулан проявил редкое радушие — он не только подал чай, но и принес им чисто вытертые палочки:

— Ваш чай и мятный отвар, прошу за стол!

— Спасибо, братец! — отозвался У Баоцюань и без промедления развернул лотосовый лист со свежими шэнцзянями.

Ему не терпелось узнать, каковы на вкус эти маленькие баоцзы.

Почему у них донышко такое румяное да хрустящее, словно обжаренное в масле?

Он подхватил палочками один шэнцзянь.

Густой, наваристый бульон внутри, сочнейшая мясная начинка, а тесто — снизу поджаристое и хрустящее, а сверху мягкое, но упругое!

— Хорошо! До чего же хорошо! — дважды похвалил он еду, отправляя шэнцзяни в рот один за другим с превеликим удовольствием.

— Господин, отпейте чаю, а то подавитесь! — Чжу Пэнъи лишь качал головой. Если господин продолжит так уплетать еду, то к приезду родителей и фулана он раздобреет еще на несколько цзиней!

С этой мыслью Чжу Пэнъи взял лепешку со свининой и откусил добрый кусок.

Мясо оказалось невероятно нежным, с легким, едва уловимым ароматом рыбы — до того вкусно, что у Чжу Пэнъи остатки сна как рукой сняло!

— Господин, эта лепешка с мясом — просто объедение! Попробуйте! — воскликнул Чжу Пэнъи.

— Да ну? — У Баоцюань тут же подхватил лепешку. — Хм! И впрямь мясо загляденье, да еще и с таким ароматом! И как они только его готовят? Настоящие мастера работают в этом ресторане!

Сглотив кусок, У Баоцюань с любопытством дотянулся и до дяочжабина.

В дяочжабин щедро насыпали пряных специй — с первого же укуса вкус буквально обжигал рецепторы своей пикантной, солоновато-пряной гаммой.

Все три вида завтраков пришлись У Баоцюаню по душе настолько, что он даже не мог выбрать, какой же лучше!

Покачивая головой, У Баоцюань подумал: а не купить ли ему усадьбу прямо на границе восточной и южной частей города? И в ресторан ходить близко, и до уездной управы добираться удобно!

— Ой, беда! Пропали мы! — внезапно вскрикнул У Баоцюань.

— Что случилось? — Чжу Пэнъи растерянно огляделся по сторонам.

Вокруг всё тихо да гладко.

Какая еще беда?!

— Завтра-то мы этого уже не поедем! Продавцы уезжают по делам, да еще в столицу префектуры собрались — целую декаду торговать не будут! — в голосе У Баоцюаня прозвучала смесь искренней скорби и нерешительности.

Скорби — оттого, что десять дней придется обходиться без такой вкуснятины.

Нерешительности — оттого, стоит ли сберечь часть еды на обед.

— На целую декаду?! — Чжу Пэнъи тоже не удержался от изумленного возгласа.

На целых десять дней?!

Чжу Пэнъи никогда не считал себя ценителем изысканной кухни, особенно на фоне своего господина, страстного любителя вкусно поесть.

В сравнении с ним он к еде относился проще некуда.

Но попробовав сегодня столь восхитительный завтрак и осознав, что ближайшие дни ничего подобного не увидит, он почувствовал, как на душе становится ужасно тоскливо!

Цзи Жунся и понятия не имел о страданиях уездного магистрата У. В это время он как раз рассказывал Яо Тяньлань и Гу Чуньцаю, что сегодня они отправляются выбирать землю, а через несколько дней поедут в столицу префектуры.

— Отец, матушка, вы только-только передали нам дела ресторана, а я снова вынуждаю вас взвалить всё на свои плечи, — Цзи Жунся смущенно почесал щеку.

— Экая глупость! Мы с вашим отцом еще вполне в силах работать. Не переживай, идите да занимайтесь делами, а за рестораном мы присмотрим, — успокоила его Яо Тяньлань.

Гу Чуньцай тоже кивнул:

— Вот именно. А когда поедете в столицу префектуры, не забудьте засвидетельствовать почтение Чжао-цзюйжэню. Танцзинь, Чжао-цзюйжэнь — твой наставник. Пусть ты сейчас и не можешь учиться в префектуре, но чтить учителя обязан.

Услышав эти слова, Цзи Жунся на мгновение замер, а его улыбка чуть погасла.

Гу Танцзинь же сохранил абсолютно спокойное выражение лица:

— Хорошо, отец.

За последние два года, хоть он и лечился дома, праздничные подарки, новогодние подношения, а также подарки на дни рождения Чжао-цзюйжэня и матушки-наставницы Танцзинь исправно отправлял через верных людей — словно ничего и не произошло. Серебро на эти подарки он брал из личных сбережений, накопленных еще во время учебы за счет переписывания и

продажи рукописей. Именно поэтому к моменту свадьбы у него в кошельке оставались лишь считанные ляны.

Яо Тяньлань и Гу Чуньцай порывались помочь ему деньгами, но Гу Танцзинь отказался, сказав, что подарки, подготовленные им лично, несут больше искренности.

Цзи Жунся украдкой всматривался в лицо Гу Танцзиня и, видя, что тот ничем не выдает своих чувств, с облегчением вздохнул.

— Кстати, отец! Лужоу разбирают так быстро! Если мы уедем в префектуру, будет жаль останавливать торговлю. Давайте я при вас замариную партию мяса и овощей. Пока есть соус, вы с матушкой сможете спокойно продолжать торговлю, — непринужденно перевел тему Цзи Жунся, уводя разговор подальше от Чжао-цзюйжэня.

Внимание Гу Чуньцай мгновенно переключилось на мясо:

— Ладно, за это можешь не переживать.

Когда с делами было покончено, Цзи Жунся с радостной улыбкой произнес:

— Отец, матушка, скорее попробуйте эту кашу восьми сокровищ! В нее добавлены каштаны — в такое время достать их большая редкость!

— Каштаны? Откуда же они? — Яо Тяньлань только сейчас вспомнила, что они еще не завтракали. Помешав ложкой кашу, она и впрямь увидела среди зерен крупные кусочки каштанов.

— На пристани перехватили. На севере холодает быстрее, вот каштаны там и созрели раньше, — Гу Танцзинь солгал, даже глазом не моргнув.

Он уже привык прикрывать секреты Цзи Жунся, и получалось это у него все естественнее.

— О-о-о! Редкая удача! — Яо Тяньлань свято верила родному сыну, поэтому без тени сомнения зачерпнула ложку каши с каштановой мякотью и отправила в рот.

Каша была нежной, сладкой и мягкой — настоящим наслаждением! А сам каштан оказался рассыпчатым и плотным: его природная сладость от долгого варения не испарилась, а, напротив, раскрылась во всей красе.

Яо Тяньлань восхитилась:

— До чего душистая каша! И каштаны превосходные. Старик, скорее попробуй!

Гу Чуньцай каши не жаловал — считал, что варить их долго и хлопотно, да и сытости от них никакой: то ли дело сухой рис или пышные маньтоу!

Но бабаочжоу, сваренная Цзи Жунся, выгодно отличалась от обычных каш. Она вышла настолько ароматной и сладкой, что понравилась даже такому любителю сухомятки, как Гу Чуньцай.

Позавтракав и уладив все ресторанные хлопоты, Цзи Жунся и Гу Танцзинь отправились к семье Цзи, чтобы разыскать Цзи Жунху.

Они хотели спросить у старшего брата, когда у того найдется время съездить с ними на осмотр

земель.

Больших заказов у Цзи Жунху сейчас не было, он мастерил мелкие вещицы, поэтому времени у него хватало. Впрочем, будь у него даже гора работы, отложить дело ради Ся-гэра он бы все равно смог.

— Да прямо сейчас и поедem! — решительно заявил Цзи Жунху.

— А? Ну хорошо! Старший брат, идем сначала к нам: мы возьмем серебро и одолжим ослиную повозку, — предложил Цзи Жунся.

Цзи Жунху отряхнул с одежды стружку:

— Тогда я переоденусь, а то в этом выходить стыдно.

Дома за плотницкой работой он носил самую старую одежду — рукава давно обтрепались и открывали руки по локоть. Дома-то без разницы, а на люди нужно выходить в приличном виде.

Цзи Жунся кивнул:

— Хорошо, мы с Танцзинем подождем.

Хун Юэлянь вынесла им две бамбуковые шляпы:

— Надевайте оба, на улице солнце печет немилосердно. Наденете шляпы — хоть не так измучаетесь в дороге.

— Спасибо, матушка, — Гу Танцзинь принял шляпы, надел одну себе, а вторую аккуратно опустил на голову Цзи Жунся.

Они впервые видели друг друга в таких головных уборах.

Даже в самой простой бамбуковой шляпе Гу Танцзинь не терял своего благородства и статности. Напротив, широкие поля слегка прикрывали его чересчур строгий и резкий взгляд, придавая облику мягкость и утонченность.

А вот на голове Цзи Жунся бамбуковая шляпа ничуть не убавляла его непоседливости. Из-за того, что поля немного закрывали обзор, юноша стал крутиться еще больше — точь-в-точь как домашний кот, которого против воли нарядили в одежду.

Они переглянулись, и в глазах обоих засияли теплые улыбки.

Вскоре Цзи Жунху переоделся, и втроем они вернулись в ресторан. Гу Танцзинь и Цзи Жунся забрали приготовленное серебро и одолжили ослиную повозку у семьи Гуань.

Когда все приготовления завершились, они, пока солнце не поднялось высоко и на улице держалась прохлада, по очереди сели в повозку и неторопливо направились за пределы уездного города.

—